

О ПРЕДПОСЫЛКАХ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ПОЭТА
(пути и средоточия поэтического слова Н. Клюева)

*«О, грамматик! В стихах моих не ищи
путей, ищи их средоточия».*

Поль Клодель¹

В отечественной лексикографии, имеющей значительные достижения в области составления словарей различного типа, что отражает, по мнению Ю. Н. Караулова, тенденцию к лексикографической параметризации языка², сфера поэтических словарей не освоена ни теоретически, ни практически. Наибольшую научную (и шире — культурную) значимость здесь имеют, как известно, «Словарь языка Пушкина»³, «Словарь автобиографической трилогии М. Горького»⁴, «Словарь языка Т. Шевченко» на Украине⁵, «Словарь Гёте» в Германии⁶. Являясь ценнейшими лексикографическими источниками, все указанные выше словари построены преимущественно по принципу толковых словарей⁷. Их авторы не ставили задачи отразить систему словесных образов, символов, тропов, стилистических фигур, грамматическую и звуковую организацию художественного текста. Лексикографические проблемы лингвистической поэтики в этих словарях не решались. Как первые опыты собственно поэтической лексикографии следует рассматривать такие интересные издания, как «Поэт и слово. Опыт словаря» под редакцией В. П. Григорьева⁸, «Словарь эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло⁹, «Краткий словарь традиционных символов русской поэзии»¹⁰. Осмысливая всю сложность разработки теории и методологии поэтической лексикографии, объектом которой является язык в его эстетической функции, В. П. Григорьев и его соавторы отмечают: «Проблема, которой мы занимаемся, коротко сводится к отыскиванию способов лексикографического представления специфики слова как преобразованной единицы художественной речи»¹¹. В их «Опыте словаря» разработана система индексов, характеризующих слова с эстетической стороны, то есть отражающих их участие в создании тропов и стилистических фигур. Наряду с этим авторы видят в перспективе и возможность создания иной концепции поэтического словаря. Далее речь идет о подготовке «Словаря словесных образов»; такой тип словаря «пока не имеет ни теории, ни практики», но в нем «живо заинтересованы и лингвистическая поэтика, и теория литературы»¹². Именно в этом направлении работают современные литературоведы М. Н. Эпштейн и Н. В. Павлович. В основе методики сбора и описания поэтического словоупотребления в работах Н. В. Пав-

лович используется разработанное ею понятие поэтической парадигмы. Это образная парадигма, состоящая из слов, которые регулярно семантически сближаются в поэтических текстах, хотя в языковой семантической системе эти слова отдалены друг от друга. Например, на материале текстов русской художественной литературы (XVIII-XX вв.) автор составила 52 поэтические парадигмы со словом «звезда» (звезды — свечки, лампы, лучики, светильники, фонари, каганцы; звезды — глаза, очи...) ¹³. Н. В. Павлович приходит к выводу, что «каждый поэтический образ может быть включен в некоторый ряд и описан с помощью некоторого семантического инварианта» ¹⁴. Однако, как определяется содержание этого семантического инварианта, какова его знаковая специфика, автор не рассматривает. По-видимому, это задача следующего этапа исследования на пути к созданию поэтического словаря русской поэзии.

Представляется, что решение этой задачи — задачи определения содержания семантического инварианта словесных образов, а также других задач поэтической лексикографии, связано с разработкой философско-методологических основ эстетики слова. Большой вклад, до сих пор не освоенный лингвистической поэтикой, внесли в эту область отечественные филологи и философы: Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, А. А. Потебня, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, Г. В. Флоровский, А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин.

Рассматривая предпосылки создания поэтического словаря Н. А. Клюева, мы опирались на философские размышления П. А. Флоренского о сущности поэтического слова, о соотношении культа и культуры. Подчеркивая эту преемственность, мы использовали для подзаголовка своей статьи и эпиграфа работу П. А. Флоренского «Пути и средоточия», в которой цитируется Поль Клодель и дается ссылка на М. Волошина, написавшего статью об этом поэте ¹⁵.

Для теории поэтической лексикографии, разрабатывающей принципы отражения в словаре структуры содержания словесного образа, существенными представляются суждения П. А. Флоренского о своеобразии поэтического мышления и поэтической речи. Системному, линейному мышлению он противопоставляет органическое, нелинейное мышление. «Это — круглое мышление, способ мыслить и прием излагать созерцательно, называемый восточным, — почему-то», отмечает автор. Термин «круглое мышление» восходит к Пармениду: «Истины твердое сердце в круге ее совершенном» ¹⁶. В поэтической речи слово оказывается в особом семантическом пространстве, которое П. А. Флоренский описывает так: «Как в риманновском пространстве всякий путь смыкается в самого себя, так и здесь, в круглом изложении мыслей, продвигаясь различными дорогами все вперед, снова и снова приходишь к отправным созерцаниям. Эта-то многочисленность и разнообразность мысленных связей делает самую ткань и крепкою, и гибкою столь же неразрывною, сколь и приспособляющеюся к каждому частному требованию, к каждому индивидуальному строю ума» ¹⁷. Собственно, если использовать современную

семиотическую терминологию, речь идет о недискретно структурированном многомерном семантическом поле. Безусловно, традиционные словарные дефиниции не могут быть использованы для определения такого поля. Подобному объекту лексикографического описания более соответствует принцип *семантического вектора*. Предполагается, что семантический вектор указывает направление движения (путь) смысла слова в семантическом пространстве поэтического текста. С одной стороны, один и тот же семантический вектор объединяет различные слова текста (или текстов). С другой стороны, одно и то же слово может иметь несколько семантических векторов. Вот эта закономерная повторяемость поэтического слова, обнаруживающая центры, «средоточия», по терминологии П. А. Флоренского, поэтической мысли, и может быть использована составителями словаря поэта для разработки принципов лексикографической характеристики поэтического слова. Предварительные размышления над проектом «Поэтического словаря Н. Клюева» привели нас к выводу о необходимости поэтапного фиксирования семантического вектора и семантического центра поэтического слова.

Итак, проект словаря Н. Клюева намечает несколько этапов работы. Далее каждый предполагаемый этап называется по его цели и результату.

I. Частотный словарь Н. Клюева. II. Словарь поэтической фразеологии Н. Клюева. III. Словарь поэтических парадигм Н. Клюева. IV. Словарь устойчивых поэтических символов Н. Клюева. V. Культурно-исторический и текстологический комментарий лексики и фразеологии Н. Клюева.

Как показывает перечисление разделов словаря, мы не планируем использование методики интерпретации эстетического содержания слова путем толкования его контекстуальных значений. Задачи словаря иные — фиксировать направления семантических векторов слова и их смысловые центры путем установления и демонстрации тех связей, в которые включается данное слово в контексте фразы, фрагмента данного произведения или в более широких контекстах творчества поэта, национальной поэзии и культуры. Далее характеризуется структура каждого раздела планируемого словаря.

I. «Частотный словарь Н. Клюева» включает: 1) алфавитный список слов, которые встречаются в произведениях Н. Клюева; указаны частотность слова в современном русском языке, частотность его в языке Н. Клюева, а также шифры тех мест произведений поэта, в которых употребляется данное слово; 2) список тех же слов, в котором слова располагаются по мере убывания частотности в текстах Н. Клюева; 3) приложение, в котором помещены шифры произведений поэта. Издание такого словаря-справочника позволило бы значительно активизировать исследования языка Н. Клюева и послужило бы необходимой базой для подготовки следующих разделов словаря поэта.

II. «Словарь поэтической фразеологии Н. Клюева» предполагается построить как словарь поэтической сочетаемости слова. В качестве заглавных в него будут помещаться не все новые слова, которые встречаются в текстах, а только те, которые по результатам предварительных исследований и данных «Частотного словаря Н. Клюева» являются смысловыми центрами («средоточиями») образного мира поэта. Эстетическая значимость слова будет показана (продемонстрирована) с помощью перечня всех поэтических конструкций, в которых данное слово встречается в текстах поэта. При расположении этих конструкций в составе словарной статьи будет учитываться их грамматическая структура. В качестве примера далее приводится словарная статья со словом «рай».

РАЙ: 1. *Берестяной, высокий, желанный, запечный, избяной, коврижный, красный, мой, мужицкий, мысленный, нищий, новый, песноцветный, прекрасный, пшеничный, северный, смертельный, финифтяный, хлебный, чудесный, ядреный.* Заломила черемуха руки, к норке путает след горностаи... Сын железа и каменной скуки Попирает *берестяной рай* (46)¹⁸. Мне какой, заочно суженый, изо трех выбрать жребий? Первый жребий — быть лапотником, тихомудрым, черным пахарем, Средний — духом ожелезиться, Стать фабричным горемыкою, Третий — рай *высокий, мысленный, Добру молодцу дарующий, Там река течет животная, веют воздухи безбольные, Младость резвая не старится, Не седеют кудри-вихори* (61). Для русских сел и городов ты станешь Радунницей красной. Так не забудь *запечный рай*, Где хорошо любить и плакать! (89). Где же ты, малиновый, янтарный Русский лебедь в чаше заревой?! Старикам донашивать кафтаны, Нам же *рай смертельный и желанный*, Где проказа пляшет со змеей! (141). Родина, я умираю, — Кедр без влаги в корнях, Возношусь к *коврижному раю*, где калач — засов на дверях, Где изба — пеклеванный шолом, толоконная городьба! (113). С полатей смотрит Жуть, гудит, как било, Лаче, и деду под кошмой приснился *красный рай*. Там горы-куличи и сыченые реки; У чаек и гагар по мисе яйцо... (41). Но *ядрен мой рай и чудесен* — В чаше солнце — рассветный гусь, И бадьюю омуты песен Расплескала поморка-Русь (126). «Русь Христа променяла на Платовых, *Рай мужицкий* — ребяческий бред...» Но с рязанских полей коловратовых Вдруг забрезжил конопляный свет (88). За стеною Кто и Незнаю, Закинут невод в чужое... И вернусь я к *нищему раю*, Где Бог и Древо печное (130). От ковриг надломятся полки, Как взойдет железная новь. Только ласточки по сараю разбили гнезда в куски... Видно к хлебушку с *новым раем* Посошку пути не легки! (183). Плачь, Русская земля, потопом — Вот Киев, по усладным тропам К нему не тянут богомольцы, Чтобы в печерские оконца Взглянуть на *песноцветный рай*, Увы, жемчужный каравай Похитил бес с хвостом коровьим, Чтобы похлебкою из крови Царьградские удобрить зерна! (229). Увы, Увы, *раю прекрасный!*.. Февраль рассыпал бисер ясный, Когда в Сиговец, златно-бел, Двудликий Сириян прилетел. Он сел на кедровой вершине, Она заплакана доныне, И долго-долго озирал

Лесов дремучий перевал (200). Потянуло душу, как гуся, в голубой голуденный край; Там Микола и Светлый Иисусе Уготовят *пшеничный рай!* (87). Я грежу о северном рае Плодов и газельных очей! (105). Где *рай финифтяный* и Сирия поет на ветке расписной, Где Пушкин говором просвирен дух высокий свой, где Мей ярочатый, Никитин, Велесов первенец — Кольцов, Туда бреду, Я ликом скрытен, Под ношей варварских стихов (93). Недоуменно не кори, Что мало радио-зари В моих стихах — бетона, гаек, Что о *мужицком хлебном рае* Я нудным оводом бубню Иль костромским сосновым звоном! (155)... Плывя по розовому маю, Причалит сердце к октябрю, В кленовый яхонт и зарю, И пеклеванным гималаям Отдаст любовь с *мужицким раем*, С олонекским озерным звоном, С плакучим ивовым поклоном, За клеверный румяный воз, За чернотемный плеск борозд О берега России... (156). «Парусов погонщик Миколае, Объявился змий в родимом крае, Вороти Егорья на икону — *Избяного рая* оборону! (198). Весь день поучатися правде твоей, как вешнюю озимь, ждять светлых гостей, *В раю избяном* и в затишье гумна Поплакать медово, что будет «она» (75). Китеж, Тайна, *Финифтяный рай*, И меж них ураганное слово, — Ленин — кедрово-таежный май, Где и солнце, как воин сурово (101). 2. *Кущи рая, вести из рая, окно в рай, мама в раю, как Адам в раю, рыдать о рае*. «Приди, дитя мое, приди!» — Запела лютия неземная, И сердце птичкой из груди Перепорхнуло в *кущи рая* (174). В закатном лыке Алконост Нам *вести* приносил *из рая*... (164). Ворона — спутница ненастья, — не каркай голодно, гумно Зареет словно *в рай окно*, Там полногрудые суслоны Ждут *молотыбы* рогов и звона; Кто слышал музыку гумна, Тот вечно молод, как весна! (139). «*Мама в раю, — запоем веретенце, — Нянушкой светлой младенцу Христу...*» (74). Милостыня сота — Будет душеньке вольгота. Хозяину в дому, Как *Адаму в раю*, Детушкам в дому, Как *орешкам в меду!* (71). Пусть давят томов Гималаи — *Ракиты рыдают о рае*, Где вечен листвы изумруд (86). 3. *Райский бор, райское дерево, райские луга, райские крины, райское сердце*. Как пряжа, мерен день, и солнечные белки, Покинув *райский бор*, уселись на шесток (85). Баякало тебя *райское дерево* Птицей самоцветною — *девой*, Ублажала ты песней царя Давида Он же гуслями вторил взрыдам (170). Я тосковал о *райских кринах*, О берегах иной земли, Где в светло дремлющих заливах Блуждают сонно корабли (28). Сметутся народы, иссякнут моря, Но будет шелками расшита заря, — То девушки наши, в поминок векам, Расстелют ширинки *по райским лугам* (83)... И прослыла в людях Обуховой Надеждой. А мы, холуи, зенки пялим, — Не видим, что Сирия в бархатной зале, Что *сердце райское* под белым тюлем Обожжено грозovým июлем, Лесными пожарами, гладом да мором, Кручинится по синим небесным озерам — То Любашей в «Царской невесте», то Марфой в огненном благовестьи (171).

Кроме своего прямого назначения — отразить систему поэтической фразеологии Н. Клюева, — данный раздел словаря поэта служит подготовительным этапом для создания следующих III, IV и V разделов.

III. «Словарь поэтических парадигм Н. Клюева» планируется строить на основе двух типов поэтических парадигм, которые мы условно обозначили как тематические и номинативные. И в том, и в другом случае — это функциональные объединения в словаре поэта, имеющие общий семантический вектор и направление на создание единого словесного образа. Различие этих парадигм заключается в следующем. Тематическая парадигма объединяет слова конкретного текста, которые развивают в нем одну и ту же образную тему, причем эта тема может повторяться как в данном тексте, так и в других текстах поэта. А номинативная парадигма объединяет образные номинации (слова и словосочетания), которые являются функциональными поэтическими синонимами. Как правило, слова, которые являются смысловыми центрами образного мира Н. Клюева, имеют несколько тематических и номинативных парадигм, то есть они действительно являются «средоточиями». Для примера далее приводятся поэтические парадигмы слова «рай» (поэтическая фразеология этого слова представлена выше)*.

РАЙ I. Тематические парадигмы: 1) хлеб: калач, пеклеванная шелом, толоконная городьба, горы-куличи, сыченые реки, ковриги, хлебушко, жемчужный каравай, пеклеванные гималаи, гумно, полногрудые суслоны, молотья, музыка гумна, страна грачиных озимей, родной овсень; коврижный (рай), хлебный (рай); 2) изба: изба, беседная изба, засов на дверях, Древо печное, шесток; избяной (рай), запечный (рай), мужицкий (рай), нищий (рай); 3) птицы: чайки, гагары, гусь, ласточки, птица самоцветная, Сирин, Алконост; 4) деревья, сад: дерево, роща, черемуха, береза, виноградь, жасмин; 5) звуки, музыка: песни, звон, гусли, лютня; песноцветный (рай); 6) свет: солнце, рассвет, конопляный свет, бисер рясный, голубой полуденный (рай), закатное лыко, заря, солнечные белки; 7) родина: поморка-Русь, родимый край, Рассея, страна грачиных озимей, родной овсень, олонецкий, северный (рай); 8) вода: животная река, сыченые реки, омуты (песен), ручей, бадья; 9) Бог: Бог, Христос, Богородица, Светлый Иисусе, Микола, Миколай, царь Давид, ангел, серафим, икона, богомольцы; 10) молодость: младость, весна, вечно молодая весна. II. Номинативные парадигмы: 1) Индия; Белая Индия, Индия-Русь, Индийская земля; 2) Царь-град, Незримый Царьград, вещий Царьград; 3) Иерусалим, невидимый народный Иерусалим, северный Иерусалим; 4) Китеж, Светлояр; 5) незримый град, ржаной град, Земли и Воли град, нерукотворные города, город златоглавый; 6) Святая Русь, нерукотворная Россия, горная Россия, русский сад; 7) отчий дом, родные берега, твои луга; 8) блаженная роща; 9) чудесный материк, земля, которой не бывало, иная земля, дивный край, материк

* Ограниченный объем не позволяет привести данную словарную статью полностью и с текстовыми примерами.

Земли, материк желанной суши, страна пророков и царей, нездешний безболыный край; 10) ржаные Дамаски; 11) украшенный чертог.

IV. «Словарь устойчивых поэтических символов Н. Клюева» предполагается построить на основе данных «Словаря поэтической фразеологии Н. Клюева» и «Словаря поэтических парадигм Н. Клюева», а также с привлечением в сравнительно-сопоставительном аспекте данных фольклорных текстов, текстов других русских поэтов, библейских, (а также богослужбных) текстов, мифологических источников. Для каждого слова-символа будет указана система семантических векторов, отражающих направление символического развития семантики данного слова в текстах Н. Клюева. Как показывают предварительные наблюдения, содержание многих слов-символов характеризуется антиномией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитируется по кн.: Флоренский П. А. У водоразделов мысли. — Т. 2. — М., 1990.

² Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М., 1981.

³ Словарь языка Пушкина: В четырех томах. — М., 1956-1961.

⁴ Словарь автобиографической трилогии М. Горького: В шести выпусках с приложением словаря имен собственных. — Л., 1974-1990.

⁵ Словник мови Шевченко в двох томах. — Киев, 1964.

⁶ Goethe Wörterbuch, Bd. I, 1 Lief A-abrufen Stuttgart — Berlin — Köln — Mainz, 1966.

⁷ См. рец. Ю. С. Сорокина на I том «Словаря языка Пушкина» // Вопросы языкознания. — 1957. — №5.

⁸ Поэт и слово: Опыт словаря / Под ред. В. П. Григорьева. — М., 1973.

⁹ Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов современного русского литературного языка. — М., 1979.

¹⁰ Краткий словарь традиционных символов русской поэзии // РЯШ. — 1977. — №4-5; 1978. — №3.

¹¹ Поэт и слово. — С. 43.

¹² Поэт и слово. — С. 160.

¹³ Павлович Н. В. Образование поэтических парадигм // Проблемы структурной лингвистики. — 1983. — М., 1986.

¹⁴ Автоматизация подготовки словарей. — М., 1988. — С. 14.

¹⁵ Флоренский П. А. Указ. раб. — С. 374.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. — С. 27.

¹⁸ Здесь и далее указана страница по изданию: Клюев Н. Песнеслов: Стихотворения и поэмы. — Петрозаводск, 1990.